

Даниленко В.Н.
ВЛАДИМИР ИЗМАЙЛОВ ЕДЕТ НА ЮГ.

Двести лет тому назад готовился к дальней поездке известный в то время русский писатель и общественный деятель Владимир Васильевич Измайлов. Он изучал по трудам предшественников маршрут своего будущего путешествия, всесторонне продумывал, с какими трудностями может встретиться в пути и как их преодолеть, интересовался историей местностей, через которые он будет проезжать. По тщательности подготовки современный читатель, возможно, представит, что русский исследователь думал отправиться куда-нибудь за полярный круг или в неисследованные дебри тропической Африки. Но на самом деле всё было значительно проще, а точнее – ближе. Предполагалась поездка на юг России, конечным пунктом которой был Крым, и возвращение через Кавказ и Поволжье. Однако не нужно забывать, что Крымский полуостров и прилегающие к нему местности всего полтора десятка лет назад вошли в состав Российской державы, ещё были слабо освоены, а до этого они вообще считались terra incognita, то есть землёй неведомой, неизвестной. Мало кому из европейцев удавалось побывать здесь и благополучно вернуться домой.

А между тем, ведь сколько соблазнов! Где-то здесь были славные древнегреческие колонии – Ольвия, боспорские города, Херсонес, здесь действовали замечательные личности вроде Митридата VI Евпатора, в этих краях процветала торговля Венеции и Генуи, отсюда пришёл на Русь свет христианства. Действительно – захватывающе интересно. Как только появилась возможность, сюда устремился поток путешественников, и не только из России, но и из многих европейских стран: впереди всех прирождённые путешественники – сыны туманного Альбиона, а вслед за ними французы, немцы, поляки... Кого здесь только не было! Среди первых – наш герой, Владимир Измайлов, осуществивший задуманное предприятие в 1799 году. Через три года вышло в свет обширное его описание ("Путешествие в полуденную Россию"), которое и до настоящего времени вызывает подлинный интерес любого, кому оно попадает в руки.

Владимир Васильевич Измайлов происходил из старого дворянского рода, жившего в Москве. Здесь он родился 5 мая 1773 г. Первоначальное образование получил в родительском доме, при этом главное внимание обращалось на основательное изучение языков – латинского, французского, немецкого, английского. Завершил образование в гимназии при Московском университете. В дальнейшем Владимир поступил на службу в один из гвардейских полков, но довольно скоро вышел в отставку, так как не чувствовал склонности к военному делу, а мечтал посвятить жизнь литературной деятельности. Не обладая значительным литературным талантом, Измайлов уже в первых своих произведениях подражает крупнейшему русскому писателю того времени Н. М. Карамзину. Любовь и уважение к своему "идолу" Измайлов пронёс через всю жизнь. Впрочем, нужно оговориться, что иногда подражание Карамзину доходило до слепого и полного копирования стиля и мыслей учителя.

Первые опыты в стихах и прозе Измайлов публикует в журнале "Приятное и полезное препровождение времени", который издавался Подшиваловым. Здесь появляется повесть "Ростовское озеро" (1795. Ч. V, VI), написанная в духе сентиментализма, полная описаний природы, сочувственных и даже идеалистических рассказов о крестьянской жизни. Впоследствии Измайлов печатается в популярном поэтическом карамзинском альманахе "Аониды", в известном "Вестнике Европы", редактором-издателем которого он был и сам в 1814 г. Кроме того, сотрудничал в "Новостях литературы", "Московском телеграфе" и во многих альманахах 20-х гг. В 1827 г. издавал свой альманах "Литературный Музеум".

В целом Измайлов оставил довольно значительное по объёму литературное наследство. И хотя его произведения не вошли в золотой фонд русской литературы, они пользовались в своё время довольно широкой известностью, а их автор – большим уважением в литературных кругах. И напрасно известный мемуарист и сплетник Ф.Ф.Вигель обвиняет Измайлова в "отвратительной чувствительности" и утверждает, что его произведения "нет возможности читать"¹. Их читали, и к тому же с удовольствием.

Кроме оригинальных произведений Измайлову принадлежит много переводов из Л.Ф.Сегюра, Ф.Р.Шатобриана, Ш.Мильвуа, Н.С.Р.Шанфора и Ж.Ж.Руссо. Как раз Руссо был любимейшим писателем и мыслителем Владимира Васильевича, который и в теории, и на практике старался осуществить идеи "своего любезного женева", особенно те из них, что касались воспитания молодого поколения. С этой целью он писал статьи педагогического содержания, издавал журнал "Патриот" (1804 г.), посвященный вопросам воспитания, и открыл пансион, существовавший, правда, недолго. В конце жизни Измайлов из-за недостатка средств к существованию должен был пойти на службу и сделался цензором при Московском университете. В 1830 г. В.В. Измайлов скончался.

Пожалуй, главным трудом, благодаря которому Измайлов запомнился потомкам, нужно считать "Путешествие в полуденную Россию". Это увесистое произведение в 4-х томах – около тысячи страниц, составленное по моде того времени в виде писем к воображаемому адресату. Из текста "писем" можно извлечь уйму сведений об авторе, его мыслях, знаниях, мечтах и т.д.

В. Измайлов неплохо знал историю своей страны. Об этом свидетельствует множество замечаний, рассеянных по книге. Он постоянно даёт исторические справки о местностях и городах, через которые проезжал. Например, описанию и истории г. Орла посвящено письмо IX, рождению Херсона – письмо LI. Говоря об окрестностях Тулы, автор указывает на то, что здесь часто бывали военные столкновения с татарскими ордами, с литовцами, с сообщниками Отрепьева (письмо VII).

Проезжая через Полтаву и окружающие её земли, В. Измайлов полон воспоминаний о событиях русско-шведской войны. Неоднократно возвращается к личности Карла XII – "Александра нашего времени", сравнивает его с Петром I, причём сравнение явно в пользу Петра. Характерно, что наряду с широко

известными событиями автор упоминает эпизоды второстепенные, мелкие стычки отдельных отрядов воюющих армий, что говорит о знаниях истории этого периода, глубоких и детальных (письма XV, XVI, XLI – XLIII). Иногда в книге делаются экскурсы и в более отдалённые времена: попутно с описанием киевских памятников (письма XX – XXXVI) приводится легенда о Владимире и Рогнеде (письмо XXXVII).

Начитан В. Измайлов и во всемирной истории, особенно хорошо знаком с античным периодом. Прежде всего следует сказать, что он знал латинский язык и свободно пользовался отдельными словами и выражениями по-латыни, вероятно, также и древнегреческий, судя по тому, что в одном месте он сетует на отсутствие Страбона "в подлиннике" (письмо XCIX). Неоднократно упоминает различные греческие и римские реалии: Дельфийский храм, Помпеи, Геркуланум и др. Он знаком со многими античными писателями, в ряде писем встречаются ссылки на Хрисиппа, Саллюстия, Диодора, Страбона, Овидия, Плутарха, Афиня. Любопытен его рассуждения об Овидии. В конце XVIII века (и даже значительно позже) было широко распространено мнение о том, что Овидий был в ссылке где-то на территории Молдавии, Бессарабии. Ещё в 1821 г. Пушкин, выражая общий взгляд, писал по отношению к Молдавии:

...В стране, где Юлией венчанный,

И хитрым Августом изгнанный,

Овидий мрачны дни влачил...ⁱⁱ

И в другом месте:

...В стране, где я забыл тревоги прежних лет,

Где прах Овидиев пустынный мой сосед...ⁱⁱⁱ

Можно упомянуть и о том, что в XVI веке возникла легенда о захоронении Овидия в каких-то местностях Украины^{iv}. Вопреки таким взглядам, В. Измайлов ставит под сомнение Овидиополь, как место ссылки Овидия, во всяком случае, чувствуется ирония в рассказе о происхождении названия этого города. Приводится такой эпизод. При строительстве укреплений Овидиополя была найдена мраморная поясная женская статуя. Её отправили Екатерине II, которая "предложила бюст на суд учёного Лондонского общества, и сие Общество признало его за изображение Юлии, Августовой дочери, может быть, по одним вероятностям, может быть, по аналогии, может быть, для удовольствия Государыни". "Как бы то ни было, - восклицает Измайлов, - она воспользовалась сим случаем, чтобы назвать город Овидиополем. Вот его происхождение!" (письма LXX – LXXI). Довольно ядовитое замечание об "удовольствии Государыни" явно указывает на точку зрения автора. В действительности хорошо известно, что Овидий был сослан в небольшой городок Нижней Мёзии – Томы (на месте нынешней Констанцы), о чем он сам неоднократно упоминал в "Скорбных элегиях"^v.

Измайлов имеет вполне здравые, реалистические понятия об исторических и археологических памятниках. Еще в первой половине XIX в. далеко не всем было ясно погребальное назначение курганов, люди, в целом неплохо подготовленные в области истории, не имели твердого мнения о том, для чего же они служили в древности. Так, Анатолий Демидов, ученый секретарь Санкт-Петербургской АН, считал курганы своеобразными ориентирами, которых придерживались в своих передвижениях "орды древнейших народов"^{vi}. Н.С.Всеволожский полагал, что курганы всегда располагались группами по три и предназначались для помещения на них во время стоянки кибиток "князя или хана", его жены и священника или первого жреца^{vii}. По мнению французского путешественника маршала Мармона, курганы были наблюдательными пунктами крымских татар^{viii}. В произведениях гениального Пушкина "отразилась некоторая неотчетливость представлений о курганах, существовавшая в науке начала XIX в.", как показал А.А.Формозов^{ix}. Измайлов же без всяких сомнений пишет о "могилах или курганах..., где скрываются следы войны и остатки человечества" (письмо XV).

Замечания, соображения, мысли по самым различным проблемам истории щедро рассыпаны по книге В. Измайлова. Столкнувшись с пещерными городами, он высказал следующую гипотезу об их возникновении. Генуэзцы, завоевав вначале Каффу, Циммериум и другие области, постепенно распространили своё господство на всё побережье, что привело в раздражение татар. Тогда-то последние вместе с турками нанесли удар по генуэзцам, лишили их всех владений и тем самым заставили "укрываться во внутренности гор, где высеченные пещеры были единственным их убежищем и достойным наказанием" (письмо LXXVI). Правильно? Сейчас мы знаем, что ничего общего с исторической реальностью в этом мнении нет. Однако хоть какое-то объяснение этой ранее необъяснимой проблеме дано, заработала творческая мысль, постепенно учёные начали приближаться к правильному истолкованию причин появления пещерных городов.

В другом месте (письмо LI) В. Измайлов затрагивает важнейший для истории колонизации, торговли и вообще для истории мореходства вопрос - о времени, за которое можно пересечь Чёрное море на парусном корабле. Этот вопрос в силу его важности неоднократно затрагивался в специальной литературе^x. В беседе с жителями Херсона Измайлов услышал, что до "Царь-Града, древней Византии", "можно поспеть... в одне сутки по способному ветру". Сведения П.И. Сумарокова отличаются от приведённых, он говорит, что "из всех крымских городов Ахтиар есть самый ближайший к ... /Константинополю/, так что при попутном ветре, с небольшим в двое сутки в него отсюда приезжают, и посему-то неотдалению здесь частые слышишь о Цареграде разговоры"^{xi}. Такого рода сведения попытался экспериментально проверить болгарский яхтсмен Асен Дремджиев и пришёл к выводу, что для преодоления 145 миль, отделяющих мысы Карамбий и Крию Метопон, одних суток явно недостаточно, ибо для этого судно должно развивать среднюю скорость 6,5 мили в час, а это возможно только изредка, при сильном, чуть ли не штормовом ветре, устойчиво дующем в одном направлении^{xii}. Итак, мы видим: от северного до южного побережья Чёрного моря можно достигнуть за 1-2 суток. Современная яхта за одни сутки может пройти это расстояние только изредка, при особо благоприятных условиях. Может быть, ближе всех к истине Захарий Аркас, сам военный моряк и адмирал, утверждавший, что

из Севастополя "суда при попутном ветре могут прийти в Константинополь в 30-ть часов"^{xiii}.

Особый интерес представляют общенсторические взгляды В. Измайлова. Автора, видимо, очень занимали вопросы, связанные с историко-философскими проблемами. На протяжении своего повествования он обращается к ним и формулирует вопросы, хотя и несколько наивно, но достаточно точно. Культурный русский человек размышляет над судьбами человечества: "Есть ли в наружной нестройности вещей тайный порядок?", "Что совершится наконец из всего видимого? Какая связь найдется между настоящим, прошедшим и будущим?... Для чего всё свершилось в мире?". Любопытное рассуждение приводится в письме XXVII: "Поколения уступают место другим поколениям; солнце науки пылает и гаснет, иногда земля представляется богатым святыищем, иногда безмолвною пустынею. Самое то время, когда человек готов, кажется, похитить все таинства умом своим, внезапное потрясение природы разрушает памятники разума, сокровища открытий человеческих и бытие тех, которые веками собирали их. Родятся новые люди, и понятия снова начинают образоваться..., странник, сидя на мшистых обломках Дельфийского храма, находит царство запустения и ничтожества там, где процветало царство красоты и силы. Но что же служит целью таких важных перемен в мире? Пристечет ли всеобщее благо из частного зла?... - Так размышлял я с самим собой, обращался к философии, чтобы она разъяснила мои сомнения, и находил одне противоречащие системы, одне догадки, одне остроумные мысли, почерпнутые более из головы, нежели из природы..."

Автор, как видим, ставит вполне серьёзные вопросы, но, не находя ответа, просто отмахивается от них: "Ах! Будем наслаждаться природой, будем протекать тихо поле жизни, и не будем заботиться об остатке дней наших, которых судьба в руках Бога" (письмо XXXVII).

Однако в дальнейших рассуждениях В. Измайлов постепенно подходит к значительным и глубоким мыслям. В письме LXXVI он пишет: "Кажется, что народы делаются рано или поздно одни жертвами других, что кровавые брани ведут за собою цветущее благоденствие империй и что все перемены царств имеют своё основание на непрменном законе Натуры...". В этих словах чувствуется вера в развитие человечества в соответствии с естественными законами.

Здесь уместно вспомнить, что на протяжении многих столетий среди историков и философов господствовала вера в божественное провидение, руководящее, управляющее всем сущим, действиями каждого человека и всего общества в целом. При таком положении, разумеется, не может быть и речи о наличии закономерностей в развитии человечества. Дело не меняли гениальные прозрения отдельных мыслителей, таких как Аристотель, Фукидид, Полибий^{xiv}. Лишь с эпохи Ренессанса постепенно начинает формироваться представление о действиях законов, движущих развитие человеческого общества. Робкие догадки можно встретить у французского мыслителя Ж. Бодена (1530–1596), итальянского философа Дж. Вико (1668–1744), знаменитых учёных эпохи Просвещения - Ш. Монтескье (1689–1755), Ф.Вольтера (1694–1778), А.Кондорсе (1743–1794). Ещё о Гегеле (1770–1831) Ф.Энгельс писал, что он первым "...пытался показать развитие, внутреннюю связь истории..."^{xv}.

В русском обществе идеи исторической закономерности распространились ещё позже. Крупнейший русский историк Н.М.Карамзин в конце XVIII – начале XIX в. робко подходил к признанию закономерностей, говоря, что его "взгляды на сей предмет недостаточно зрелы". Впрочем и сами законы, которые можно и нужно разгадать, исходят у него скорее от Бога, Провидения, чем являются объективно присущими всему миру, в частности человеческому обществу^{xvi}. Можно привести один небольшой отрывок из путевых записок Карамзина (одновременно он продемонстрирует необычайное сходство стиля и мыслей ученика и учителя):

"Все возвышается или упадает; народы земные подобны цветам весенним; они увядают в свое время – придёт странник, который удивлялся некогда красоте их; придёт на то место, где цвели они... и печальный мох представится глазам его! – Оссиан? Ты живо чувствовал сию плачевную судьбу всего подлунного, и для того потрясает моё сердце унылыми своими песнями! Кто поручится, чтобы вся Франция – сие прекраснейшее в свете государство, прекраснейшее по своему климату, своим произведениям, своим жителям, своим искусством и художеством – рано или поздно не уподобилась нынешнему Египту?"^{xvii}.

Даже в середине XIX в. историки отрицали или ограничивали действие закономерностей, подменяя их игрой случайных обстоятельств^{xviii}. Позже – в 80-х годах XIX в. – писали со значительной долей уверенности об исторических закономерностях. Причем это присуще как специалистам, так и просто культурным людям. Историк М.С.Кутурга говорит: "Закон истории гласит..."^{xix}. Ему вторит юрист, получивший хорошее образование: "Верное общему мировому закону, по которому ничто созданное рукою человека не остаётся неизменным..."^{xx}.

В течение нескольких десятилетий русские революционные демократы вынуждены были настойчиво отстаивать от нападок принцип исторической закономерности^{xxi}. В таких условиях признание в качестве главной движущей силы исторического процесса "законов Натуры" было, безусловно, чрезвычайно важным и прогрессивным фактом. Вряд ли Измайлов сам пришёл к таким выводам. Скорее он позаимствовал их из трудов французских просветителей. А такие возможности были. Упомянутый ранее Ф.Ф.Вигель описывает удививший его факт:

Со времён Екатерины, через всё царствование Павла и долго при Александре издавался в Москве неким Матвеем Гавриловичем Гавриловым "Политический Журнал". Если где-нибудь уцелели экземпляры его, то пусть заглянут в них и подивятся: там между прочим найдут целиком речи Мирабо, жирондистов и Робеспьера. Такая смелость должна бы была произвесть, по крайней мере, удивление; никто не ведал про содержание журнала, и никто его ныне не помнит. Ленивые цензоры с рассеянностью пропускали его нумера, а название политического пугало и отталкивало праздных тогда и невежественных москвичей^{xxii}. Заслуга Измайлова в том, что он не только воспринял передовые идеи, сделал их своим убеждением, но имел смелость

пропагандировать их в печати.

Крым посещали наиболее талантливые и к тому же передовые люди своего времени.

-
- ⁱ Вигель Ф.Ф. Записки. – М., 1891. – Ч.1. – С.148.
- ⁱⁱ Пушкин А.С. Сочинения в 3-х томах. Т.1. М.,1954. – С.135.
- ⁱⁱⁱ Там же . – С.138.
- ^{iv} Кобів Й. Публій Овідій Назон // Публій Овідій Назон. – Львів, 1960. – С.11.
- ^v Ов. Тр. III.9.33: IV.14.59.
- ^{vi} Voyage dans la Russie meridionale la Crimée...execute en 1837, ... Qnqtol de Demidoff... – Paris, 1840-1842. –Р. 326.
- ^{vii} Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь... в 1836 и 1837 гг. Н.С. Всеволожского. Т.1, – М., 1839. – С.19,21.
- ^{viii} Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского по Крыму и берегам Азовского моря...Т.1, –М.,1840. –С.182
- ^{ix} Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. – М.,1986. – С. 82-84.
- ^x Напр.:Максимова М.М. Краткий путь через Чёрное море и время его освоения греческими мореходами // МИА.1954. №33. – С.45-57; Она же. Античные города юго-восточного Причерноморья. – М.;Л.,1956. – С.145-168 (Глава 6).
- ^{xi} Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799году... С историческим и топографическим описанием тех мест. – М., 1800. – С.115.
- ^{xii} Дремджиив А. По пути древних мореплавателей. –М., 1582. – С.267.
- ^{xiii} Аркас З. Начало учреждения Российского флота на Чёрном море и действия его с 1779 по 1789 год //ЗООИД. 1858. Т.IV. – С. 267.
- ^{xiv} Жуков Е.М. Очерки методологии истории. – М., 1980. – С.63.
- ^{xv} Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. – С.496.
- ^{xvi} Эйдельман Н.Я. Последний летописец.–М., 1983.–С.40.
- ^{xvii} Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. – Л., 1887. – С.212.
- ^{xviii} Вебер Б.Г. Историографические проблемы. – М., 1974. – С.206. Прим. 16.
- ^{xix} Куторга М.С. Общественное положение рабов и вольноотпущенных в Афинской республике // Собр.соч. Т.I. СПб, 1894. – С.506.
- ^{xx} Молчанов М.М. Александр Николаевич Серов в воспоминаниях старого правоведа // РС.1883. Август. С.331.
- ^{xxi} Вебер Б.Г. Ук.соч. – С.210.
- ^{xxii} Вигель Ф. Ф. Ук. Соч. – Ч. III. – С. 134.